

Министерство образования Московской области
Государственный университет «Дубна»

Факультет социальных и гуманитарных наук
Кафедра психологии

Психологический центр имени В.М. Мунипова

ПСИХОЛОГИЯ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛИТИЯ

VIII Международная научно-практическая конференция,
посвященная 90-летию со дня рождения основателей кафедры
психологии государственного университета «Дубна»
В.П. Зинченко и В.М. Мунипова

«Актуальные вопросы современной психологии»

(Дубна, 19–20 апреля 2021 года)

Сборник материалов

Под общей редакцией
доктора психологических наук О. А. Гончарова,
доктора психологических наук Б. Г. Мещерякова

Дубна
2021

УДК 159.9(063)
ББК 88я431
П 86-3

П 86-3 Психология третьего тысячелетия: VIII Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы современной психологии» : сборник материалов / под общ. ред. О. А. Гончарова, Б. Г. Мещерякова. — Дубна : Гос. ун-т «Дубна», 2021. — 273 [1] с.

ISBN 978-5-89847-637-3

В сборник вошли научные статьи авторов, принявших участие в VIII Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения основателей кафедры психологии государственного университета «Дубна» В.П. Зинченко и В.М. Мунипова «Актуальные вопросы современной психологии», организованной кафедрой психологии государственного университета «Дубна» совместно с Психологическим центром имени В.М. Мунипова. Включенные в сборник статьи отражают широкий круг тем по проблемам современной психологии.

Сборник адресован специалистам, студентам и аспирантам в области психологии и в смежных областях, а также читателям, интересующимся психологическими проблемами личности, семьи, образования, познавательных процессов и т.д.

УДК 159.9(063)
ББК 88я431

Редакционная коллегия:

О.А. Гончаров, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии;

Б.Г. Мещеряков, доктор психологических наук, старший научный сотрудник, профессор кафедры психологии;

Н.А. Сахарова, кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой психологии;

Ж.В. Щеблыкина, старший преподаватель кафедры психологии;

Д.В. Ющенко, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии.

ISBN 978-5-89847-637-3

© Государственный университет
«Дубна», 2021

Л.А. Кретьова

ТИПОЛОГИЯ ЖИЗНЕННЫХ МИРОВ Ф.Е. ВАСИЛЮКА КАК ТИПОЛОГИЯ И ПСИХОТЕРАПИЯ МЕГАПОЛИСА

Типология жизненных миров, разработанная в психологии переживания Ф.Е. Василюка, является единственной в своем роде; она не только решает теоретическую задачу описания, систематизации и конструирования, но и служит основой для создания психотерапевтических методов. Убедительная ясность типологии, в которой жизненные миры соотносятся с «типичными» критическими ситуациями: стрессом, фрустрацией, конфликтом, кризисом [2], и основанная на этой типологии психотехника привлекают практикующих специалистов, дают ощущение опоры в выстраивании и осмыслении своей помогающей деятельности.

Как и любая теоретическая концепция, эта типология исторична. Она исходит из представлений о критических ситуациях и связанных с ними переживаниях, которые характерны для своей эпохи и для определенной среды. По сути, эта типология сама по себе является одним из жизненных миров, в котором стресс, фрустрация, конфликт и кризис присутствуют в жизни людей с достаточной очевидностью как для психотерапевта, так и для клиента.

Но является ли такая типология неизменной во времени – в историческом времени и личном времени субъекта? Является ли она «типологией для всех» (субъектов), или есть «другие миры», устроенные иначе; как в таком случае это влияет на наше представление о психотерапевтическом диалоге, о процессе терапии и главное – на наше представление о человеческом переживании? Эти вопросы определяют ход наших размышлений.

Четыре жизненных мира: инфантильный, реалистический, ценностный и творческий, образованы через перекрестное противопоставление «простого» и «сложного», «легкого» и «трудного», «внешнего» и «внутреннего». Привлекательная четкость

такого построения, его увязанность с четырьмя типами критических ситуаций вызывает у специалистов, практикующих в психотерапевтическом подходе, разработанном Ф.Е. Василюком для индивидуальной психотерапии, готовность распространить эту типологию на все форматы психотерапевтической или консультативной работы с клиентами: работу с детьми, с семьями, групповую психотерапию и т.д., соблазн «поиграть» с одной и той же критической ситуацией, дабы представить ее во всех четырех ракурсах жизненных миров (например, варианты переживания, вызванного поломкой автомобиля: от «гедонистического» до «творческого»). Несмотря на то, что типология содержит значимые для практиков психотехнические возможности, возникает риск ее механистического применения, использования «с натяжкой».

В первую очередь уязвимым оказывается то напряжение смысла или устремленность к смыслу, которое присутствует в типологии жизненных миров независимо от «простоты» или «сложности», сопряженных с той или иной критической ситуацией. Также может возникнуть прозаическое, утилитарное толкование творческого переживания, когда *творческое переживание кризиса* подменяется *творческими инструментами совладания* со стрессом или фрустрацией (одно дело – художественно передать чувства, вызванные поломкой машины, и другое – обратиться к жизненному кризису, который дал о себе знать в связи с возникшей поломкой-триггером).

Психолог, приверженный тому или иному психотерапевтическому подходу, неизбежно накладывает на жизненный мир клиента трафарет психологической теории, на которой основан подход, равно как и трафарет своей интерпретации этого подхода. Если он исходит в своей работе из типологии жизненных миров, он настроен на распознавание в переживаниях клиента той или иной, соответствующей типологии, критической ситуации. В фокусе внимания психотерапии – современный городской житель: в его жизни целеполагание и достижения занимают значимое место, а ценности противоречат друг другу; условия мегаполиса располагают к фрустрации и внутреннему конфликту. Как итог значимая часть диалога психотерапевта и клиента может происходить на территории, обусловленной дискурсом мегаполиса, когда усилие понимания для обеих сторон диа-

лога ограничено категориями жизненного мира мегаполиса – не только его ценностями и смыслами, но всем устройством этого жизненного мира, с его убеждениями и переживаниями: надеждами, тревогами, требованиями, разочарованиями, представлениями о благополучии и развитии. Но что, если жизненный мир человека устроен иначе: например, в нем практически нет места для фрустрации или ценностного конфликта?

Исследование, которое мы посвятили анализу переживания пандемии загородными жителями [4], позволило высказать предположение об определенных особенностях загородного/сельского жизненного мира. В соотношении с типологией жизненных миров – это мир во многом инфантильно-творческий. Загородный мир, с одной стороны, очень прост, в том числе в плане «здесь и сейчас» переживаний, с другой стороны, чрезвычайно суверенен (авторство жизни). Терпение загородного жителя не связано с достижением отдаленной цели, а ситуация выбора – фрустрация и ценностный конфликт, столь свойственные мегаполису, – для него гораздо менее актуальны (возможно, это и определяет несоответствие эксплицитных ценностей, заявляемых как причина переезда за город, и имплицитных смыслов, которые являются действительным основанием решения и последующего образа жизни). Одна из причин ресурсности сельского/загородного мира, психологической устойчивости личности (очевидной, в том числе, и для внешнего наблюдателя) – отсутствие поставленных целей и оценки достигнутого, что во многом обусловлено принятием сложноструенности и непредсказуемости жизни, принципиальной неразрешимости многих ее вопросов.

Наше исследование текстов, сопряженных с переживанием загородной/сельской жизни (художественная и автобиографическая литература, самоотчеты современников в соцсетях и интервью), помогает выделить наряду с другими такие особенности загородного мира, как «цикличность» переживания – его вписанность в природные циклы, опосредованность всматриванием и вслушиванием, доминирующее переживание радости бытия, удовольствие уединения и созерцания, постоянство обращения к воспоминаниям как часть целостного восприятия жизни. Читая текст, с удивлением обнаруживаешь, как в этом тексте «внешний мир соприроден жизненному», «жизненный

мир и мир внешний оказываются влитыми друг в друга», а «жизнь субъекта в таком мире – это обнаженное бытие, бытие, полностью открытое в мир», «его существование – окутанная бесконечным благом... первичная жизненность» [2, с. 95]. И тут же, без всякого перехода, этот витальный мир прорывается в мир творческий, когда автор не только осмысливает свою жизнь как целое, но нередко выходит к переживанию целостного бытия, большего, нежели его собственная жизнь.

Жажда подлинности характерна для загородного мира, как и потребность «прийти в себя», «быть настоящим», «быть собой». Здесь хотелось бы отметить, что речь не идет об актуальной для мегаполиса проблеме самоидентификации или самопонимания, когда есть необходимость определить, «кто я» или «каким я хочу быть», выстроить представление о себе: эти вопросы словно растворяются в загородной жизни. «Бытие собой» в загородной жизни – это повседневные переживания и мысли, воспоминания, личная история.

Очевидно, что неизменный собеседник загородного жителя – это окружающий мир: он может разговаривать с деревьями, рекой, небом, и они также с ним «говорят». Заочная дискуссия Ф.Е. Василюка [1] и А.Ф. Копьева [3] о том, является ли опыт подобного диалога психотерапевтическим опытом, дает нам хорошую основу для дальнейших размышлений об особенностях жизненного мира: об одиночестве-уединении, об общении с «субъектами» природы как о «намеренной заботе».

И хотя особая «загородная» эпистемология едва ли обретет развитие, станет добиваться определенного положения и признания, как это сделала, например, эпистемология феминистская, необходимость видеть и понимать различие между жизненным миром мегаполиса и сельским миром, отдавать отчет в доминировании мировоззрения и дискурса мегаполиса, все чаще звучит в работах гуманитарных исследователей, посвященных особенностям городской или сельской жизни. Нам, в свою очередь, представляется важным обозначить доминирование ценностей и концепций мегаполиса, которое, в конечном счете, оказывает влияние на психотерапевтический диалог.

Психотерапия, полагая себя феноменом городской жизни, обрела в психологии переживания концепцию, отражающую суть психологических проблем, испытываемых жителями боль-

ших городов. Однако именно ее концепция четырех жизненных миров и соответствующих им критических ситуаций позволяет обратить внимание на особенности загородного жизненного мира, который обладает своими особенностями и своим собственным ресурсом совладания с критическими ситуациями.

Библиографический список

1. Василюк Ф.Е. Культурно-антропологические условия возможности психотерапевтического опыта // Культурно-историческая психология. 2007. Т. 3, № 1. С. 80–92.
2. Василюк Ф.Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. 200 с.
3. Копьев А.Ф. О диалогической природе психотерапевтического опыта // Культурно-историческая психология. 2007. Т. 3, № 1. С. 93–100.
4. Кретьова Л.А. Особенности переживания эпидемии в условиях сельской жизни: влияние суверенности и исторические аспекты // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2020. № 3–4. С. 95–108. doi: 10.26653/2076-4685-2020-3-4-09.